

Владимир Плотников

В колыбели «Лисицы»

(из дневника «Путешествия в Томскую глухомань»)

Приближалось бабье лето – золотая пора у матушки природы. Она начинает менять летнее, изумрудно-бархатное платье на яркий, вызывающе броский, зачаровывающий разнообразием раскраски осенний наряд. От её изумительного вида порой захватывает дух, необъяснимое восхищение распирает грудь. Хочется объять, прижать к груди, вобрать в себя и навсегда сохранить в душе это чудо, это великолепие.

Но не только благолепием природа влечёт в свои пенаты. Её безграничная щедрость изумляет и пленит обилием своих даров.

Вызревший в шишках кедровый орех – это лакомый корм не только таёжных птиц, мелких зверушек и крупного зверья, но и значимый продукт для человека.

Невозможно пройти мимо и до оскомины не наесть обильными гроздьями сладкой, пурпурно-красной брусники, кумачом укрывающей травяной покров соснового бора и моховой ковёр рябов.

А снегириныные грудки соплодий рябины, обжигающее взор пламя корзинок калины, так зазывно манящие попробовать

на вкус вызревшие, налитые живительным соком янтарные ягоды. Кровной родственницей брусники приходится краснощёкая, разордевшаяся под солнцем кисло-терпкая клюква, словно каплями крови раненого зверя окропившая в изобилии мох торфяников.

Никого не оставит равнодушным и не желающим до краёв наполнить свою корзину неожиданная россыпь золота лисичек, оранжево-пятнистых рыжиков, незаурядный аромат мохнатеньких сырых груздей.

Высший восторг вызывают кучно стоящие, в добротных бобровых шапках, дородные боровики и лавинное изобилие дружных осенних опят.

Тихий вечер с удочкой на берегу глухого лесного озера, награждающий рыбака невиданным уловом, остаётся незабвенным на всю жизнь.

Только ленивый в эту благодатную пору остаётся дома, на любимом диване смотреть по телевизору диалоги о природе, а непоседам хочется сказки.

*А коли сказкам старым верить,
То где-то есть дремучий лес...
Там мох до плеч. Под мохом двери...
За ними клады прятал бес.
У нас никто подобных кладов
Не находил в глухих местах...
Зато грибы у нас – что надо!..
И что ни ягодка – мечта!..
Найдёт их девка – краше станет.
Старик поест – и в пляс готов!..
И бобыля к вдове потянет
В дни спелых ягод и грибов.
В такие дни вареньем пахнет!..
В почёте – сахарный песок!..*

*Случись художник здесь – он ахнет,
Прихватит кисти – и в лесок...
Он там царевну нарисует –
Чулки в росе, в чернике рот...
Её Иван-дурак целует
И губ от губ не оторвёт!..*

Я, мой друг Анатолий и двое других – Александр и Вовчик, страстные любители познать что-то новое, взяв отпуска, на двух моторных лодках рванули на «севера», вниз по матушке Оби, в глухие, таёжные места Томской области.

Путь по воде предстоял не близкий, до посёлка «Белый Яр». Там жил страстный охотник, таёжник, родной дядюшка Анатолия, коренной сибиряк Василий.

Погода выдалась изумительно благодатная. На небе ни облачка, и ясный диск солнца щедро ласкал мир своими тёплыми лучами.

Наслаждаясь меняющимися береговыми пейзажами красавицы Оби, мы без проблем преодолели треть намеченного маршрута, иногда останавливаясь у причалов посёлков, где были заправочные станции. Четыре лодочных мотора «Вихрь-25» жадно поглощали бензин, который стоил семь копеек за литр по тем временам. Но заправлялись мы не за наличные, а по спецталонам. Я был назначен ответственным за заправку и с поставленной задачей справлялся чётко.

На очередной остановке мы пристали к берегу, где стояла одинокая самодельная деревянная лодка. В ней копошился престарелый мужичок непонятной национальности.

Это уже была территория Томской области.

С пустыми канистрами направляюсь к АЗС.

Молодая заправщица, любезно поздоровавшись, отказала мне в выдаче топлива, мотивируя свой отказ тем, что у неё

на руках приказ от руководства не заправлять частников, так как идёт уборка урожая и с топливом напряг...

Я пытался её уговорить, предлагая намного больше необходимого количества талонов, но она наотрез отказывалась. Опечаленным возвращаюсь к лодкам и объясняю ребятам сложившуюся ситуацию. Их возмущению не было предела. Это же крах всех наших планов. Как быть, что делать? Иду к незнакомцу в деревянной лодке. Поздоровался, закуриваю и предлагаю ему сигарету. Мужчина не отказался, и между нами завязался разговор.

Оказывается и он направляется к «Белому Яру», и у него такие же проблемы с топливом. Но наш попутчик нашёл выход, договорившись с местным водителем «ЗИЛа», который обещал привезти ему горючее. Вскоре подъехал ожидаемый водитель и слил бензин заказчику.

Мы попытались уговорить его привезти и нам горючего, предлагая талонов сверх нормы. Но водитель не соглашался.

Новый знакомый отозвал меня в сторону и на ухо шепнул попробовать вместо талонов рассчитаться алкоголем. Подхожу к шофёру и предлагаю ему бартер: он нам – бензин, а мы за него рассчитываемся «шнапсом».

Тот обрадовано согласился, и сделка состоялась. А что дальше?

При таком методе заправок нам необходим значительный запас алкогольной «валюты», а её-то у нас мало. Где взять вина при таком положении в области. Выход подсказал попутчик.

Три часа назад здесь пришвартовывался пассажирский теплоход, идущий вверх по Оби до Новосибирска. В его буфете он и затарился портвейном. Можно попробовать рискнуть...

Разгрузили лодку Анатолия, оставив лишь запас горючего, и двое ребят рванули вдогонку за тихоходным «корытом»...

По прошествии шести часов наши смельчаки вернулись с удачей, затарившись ящиком портвейна.

Только так, вылавливая водителей у АЗС и меняя пузыри портвейна на бензин, мы добрались до «Колпашево», израсходовав весь запас вина. Но нам-то ещё плыть да плыть...

На очередном совете путешественников было решено командировать меня в посёлок за заправочной «валютой». Хотя местность и незнакомая, но иного выхода нет, кроме как: ноги в руки, рюкзак за плечи и вперёд... язык до Киева доведёт...

После расспроса местных жителей захожу в ближайший магазин, где спиртным давно уже не пахло... Облом...

Выясняю у продавца, что в посёлке есть ещё один гастроном, «Купеческий» называется, в районе местного аэропорта. Туда нужно добираться на автобусе. Интервал его движения через два часа. Но это уже хотя бы какая-то надежда...

Дождавшись транспорта, подъезжаю к заветному магазину. И здесь меня ожидало разочарование. Вино-водочный отдел оказался пуст, а когда будет очередной завоз, продавец не знает.

Расстроенный, выхожу на улицу и присаживаюсь на скамью, где сидели двое парней. Один из них держал в руках пузырек тройного одеколона. Закуриваю. Парни попросили угостить их сигареткой. Угощая, спрашиваю, где можно достать спиртного. Они доверительно поведали мне, что на аэродроме с утра стоит прилетевшая «Аннушка» с необходимым товаром и ждёт разгрузки, но когда это произойдёт неизвестно, и куда повезут – тоже вопрос.

Меня осенила мысль, и я смело иду в кабинет директора магазина. Невысокий толстячок кавказской национальности, уже начавший лысеть, удивлённо встретил «наглеца».

Пытаюсь убедить его, какую выгоду он может потерять, если кто-либо другой перехватит ходовой товар. Необходима только машина, а грузчиков я предоставляю.

Почесав лысину и немного поразмыслив, «шеф» позвонил, заказал машину и велел ждать его на улице. С нетерпением ждущие меня парни горячо обрадовались и согласились с предложением.

Вскоре бортовой грузовик с добровольными грузчиками и хозяином магазина укатил за заветным товаром.

Вечером, с затаренным водкой рюкзаком и большим крапивным мешком с огнетушителями портвейна, меня на этой же машине, с благодарностью, доставили на пристань, где ожидали «заправщика» друзья.

Всеобщей радости не было предела! Теперь за заправку лодочных моторов можно было не переживать. Вскоре мы прибыли в «Белый Яр». После очень тёплой и дружественной встречи с дядей Васей – он согласился сопроводить нас до места, где можно стать лагерем. Это место для нас будет «раем». Там много кедрача, глухие старицы с обилием рыбы, моховое болото с клюквой и «морем» брусники. Дичь тоже водится... Кроме этого, в получасовой езде вверх по реке находится леспромхоз, где имеется столовая и хлебопекарня. Там можно харчеваться...

Эти места глухие и добираться туда сложно. Либо на лодках по реке, либо вертолётom до леспромхоза. Ходу по воде не менее четырёх часов, и опасно. На ней очень много топляка после весеннего лесосплава, поэтому нужно взять с собой запас бензина и запчасти для моторов, особенно ходовых винтов.

На следующий день, уже на трёх лодках, мы выдвинулись вверх по не широкой, но очень извилистой (не зря её называли Лисицей), заросшей разнолесьем реке. Дядюшка оказался прав.

На своей лёгкой «Казанке» он «шёл» первым и без проблем, а наши тяжело нагруженные лодки то и дело бороздили своим «брюхом» топляк. Такое впечатление, что плывём по стиральной доске.

Слава Богу – добрались без происшествий.

Пока ребята благоустраивались на берегу, мы с дядюшкой, взяв резиновую лодку, сети и ружьё, пошли на разведку. Мне были показаны ягодные места, кедрач и старицы, на одной из которых я поставил сети. А Василий в это время из моего ружья добыл селезня утки с довольно приличного расстояния.

Бой ружья ему очень понравился, и мне было предложено обменять его на медвежью шкуру, которая висела на стене дома в «Белом Яру». Я корректно, но на отрез отказался.

Вернувшись в лагерь, проводник сам сварил суп из убитого селезня, и наша трапеза, под оживлённые разговоры, затянулась, при свете костра, до глубокой ночи.

На следующий день, пожелав «бригаде» удачи, Василий Иванович покинул лагерь.

Бабье лето было в самом разгаре, радуя нас хорошей погодой. Рыбы попадалось много. Её пришлось солить и вялить. Неделью прожили на своих «харчах». Варили уху, жарили карасей, картошку с грибами. Палатки решено было не ставить, а ночевать в лодках, залезая в спальные мешки. Вскоре закончился хлеб, и нам предстояло сплавать до леспромхоза. Этот день начался с мелкого занудливого дождя. Еду готовить не стали, надеясь поесть в тамошней столовой.

Леспромхоз был, видимо, богатым. Вдоль улиц стояли добротные, рубленые из соснового кругляка, пятистенки. Просторная столовая, хлебопекарня и большой рыбокомбинат располагались на берегу речки, что очень удобно для таёжников.

В столовой моё внимание привлёк буфет, полки которого были заставлены консервами. Такого изобилия и разнообразия я не встречал в магазинах родного города. Там была любая рыба, которая водится в озёрах и реках местности, начиная от гольянов, пескарей, ершей и заканчивая осетриной. Рыбокомбинат выполнял московский заказ.

Опустошив свои карманы со скудной наличностью, мы взяли на пробу несколько банок. Затарились всем необходимым и, вернувшись в лагерь, устроили для себя роскошную вечеринку.

Мы не лазали на кедры, не били их колитом, а собирали опавшую шишку. Собрал на ближайшем участке, перемещались вверх по реке до очередных зарослей кедрача. Двое оставались в лагере обрабатывать урожай, а двоих забрасывали на весь день в новые места.

В этот раз была моя, вместе с Вовчиком, очередь собирать падалицу.

Местность незнакомая, дикая, поэтому мы не рисковали далеко уходить от речки.

Набрав по мешку, вернулись на берег и, освободившись от ноши, присели отдохнуть на поваленную ветром толстую, но старую и подгнившую берёзу.

Напротив неё, на небольшой поляне, недалеко от реки, росла огромная, в два обхвата, красавица местности – ель.

Высокая, стройная, величавая, с пышной кроной, она могла бы достойно украсить любую городскую площадь. Я не сводил с неё глаз... И тут до моего слуха донёсся соловьиный посвист, да такой, что завораживал душу... Не единожды на лоне природы я слушал соловьиное пение, но такое – впервые.

Сладкозвучные, чудеснейшие трели, тончайшие перебивы, разнообразные коленца будоражили чувства. Я замер и весь превратился в слух, а мелодия, то затихала, то вновь усиливалась...

Откуда здесь, в глухой тайге, в середине сентября взялся этот златогласый певец?.. Вся округа замерла в оцепенении, переполненная волшебной мелодией, а соловей насвистывал где-то рядом, почти над ухом. Чтобы не спугнуть певца, осторожно оборачиваюсь в его сторону.

Каково же было моё удивление, когда на месте соловья увидел напарника – Вовчика!? Двумя руками он держал зажатую губами тонюсенькую плёнку от бересты и с её помощью выводил чарующую мелодию. Перестав свистеть и улыбаясь, друг вопросительно смотрел на меня.

А над поляной, со стороны ели, доносилось иное, хоровое разноголосье... Ель была неузнаваемой. Словно в новогоднем наряде, сияла разноцветьем и обилием облепивших её птиц, которые, будто в пьяном угаре, голосили, кто во что горазд! Такого количества, разнообразия размеров и расцветок таёжных птиц я и представить себе не мог. На дереве не было свободных «мест», даже ствол, словно муравьи, облепили поползнями...

От увиденного невозможно было отвести взгляда. На верхушке ели сидел токующий глухарь! Нашему изумлению не было предела. Но соловьиный свист прекратился, и, постепенно смолкая, лесные «гости» стали разлетаться. Я прошу друга продолжить свою мелодию, и вся живность вернулась вновь на прежние места.

Это было невероятное зрелище. Горячо благодарю напарника за доставленное удовольствие. Оказывается, он мастер художественного свиста и, пользуясь своим мастерством, подрабатывает в театре!.. Да, пути Господни неисповедимы. Сколько же вокруг нас талантов, о которых и не подозреваешь порой.

Время шло, и наше пребывание в колыбели «Лисицы» подошло к концу. Лодки под завязку были загружены дичью, рыбой, орехом и ягодой. Пора возвращаться домой.

Стояла тёплая безветренная погода. На речке ни волн, ни ряби, чистейшее зеркало воды. Местность окончательно поменяла наряд, который своим великолепием отразился в глади вод.

*Зелень вздыбилась горою!
Извергается рубин...
Желтизна взвилась волною,
Над костром зари осин!
Желчь акаций, блеклость ивы...
Пурпур вызревших рябин...
Малахит пихты, крапивы...
Кровь шиповников, калин...
Лес горит соцветьем красок
В буйстве яркости тонов,
Благолепием раскрасив
Платья крон, корсет стволов!*

Мои друзья, до этого пессимистически относившиеся к красоте леса, в этот раз наперебой восхищались великолепием его окраски и просили отснять волшебство пейзажей на фото...

Не каждый художник смог бы такое отобразить на своём холсте или хотя бы повторить увиденное.

Невзирая на усталость и стремление оказаться дома, ребята решили заглушить моторы лодок и сплавиться под воздействием течения реки, наслаждаясь красотой, подаренной на прощанье колыбелью «Лисицы»!

*И внимать тайге и небосводу,
А, вернувшись в тёплое жильё,
Потерять, как женщину, природу,
Мучиться и сохнуть без неё.*

